

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

**КНИГИ О ГЕНРИ МЕРРИВЕЙЛЕ
В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА»**

Убийства в Чумном дворе
Убийства в Белом Монастыре
Загадка Красной Вдовы

Джон Диксон
Карр

**УБИЙСТВА
В БЕЛОМ
МОНАСТЫРЕ**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE WHITE PRIORY MURDERS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1934
All rights reserved

Перевод с английского Анастасии Липинской
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-28268-1

© А. А. Липинская, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отражения в зеркале

— Гм, — сказал Г. М., — получается, вы мой племянник? — Он по-прежнему угрюмо смотрел поверх очков, недовольно опустив уголки губ и сложив на пухлом животе крупные руки. Под столом скрипнуло вращающееся кресло. Г. М. усмехнулся. — Ладно, тогда угощайтесь сигарой. И выпейте виски. Эй, и что тут смешного, спрашивается? Вот наглец! Чего ухмыляетесь, черт бы вас побрал?

Племянник сэра Генри Мерривейла едва не расхохотался ему в лицо. Увы, с великим Г. М. так обращались практически все, включая подчиненных в Министерстве обороны, и это его в высшей степени уязвляло. Мистер Джеймс Бойнтон Беннет не мог не быть в курсе. Если вы молодой моряк только что со службы и впервые присутствуете в кабинете своего знаменитого дяди, который некогда управлял всеми хитросплетениями британской военной разведки, требуется определенный такт. Г. М., пусть его должность носила в тот период затишья скорее декоративный характер, все же не утратил влияния. Растревоженная Европа была источником волнения и зачастую опасности. Отец Беннета, зять Г. М. и довольно известный в Вашингтоне человек, снабдил его перед отплытием кое-какой информацией.

«Ни в коем случае, — сказал Беннет-старший, — ни при каких обстоятельствах не разводи с ним це-

ремоний. Не поймет. Он частенько попадал в беду на политических совещаниях, по рассеянности называя секретаря Хоум-офиса¹ Боко, а премьер-министра — лошадиной мордой. Вероятно, ты заставишь его спать, но он будет делать вид, что ужасно занят. Его главное заблуждение состоит в том, что его все преследуют и никто не ценит. Он из рода баронов, история которого насчитывает пару-тройку веков, и при этом воинствующий социалист. Он профессиональный юрист и врач и пользуется чрезвычайно неряшливой грамматикой. Голова его полна грязных мыслей, он фрапирует машинисток, носит белые носки и появляется на публике без галстука. Пусть его облик тебя не обманет — он считает себя невозмутимым, словно Будда, и сварливым, как Скрудж. От себя добавлю, что следовательно из него практически гениальный».

К удивлению племянника сэра Генри Меривейла, описание это оказалось совершенно точным. Две сотни фунтов тела грудой возвышались над большим, заваленным всякой всячиной рабочим столом, хрипя и ворча. Большая лысая голова вырисовывалась на фоне окна неприбранной комнаты, возносясь над суетой Министерства обороны. Комната Г. М., обширная, хранящая следы былой роскоши, была расположена в старейшей части сырой кроличьей норы, некогда принадлежавшей дворцу Уайтхолл². Окна ее выходят на мрач-

¹ *Хоум-офис* — Министерство внутренних дел Великобритании. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² *Уайтхолл* — бывшая королевская резиденция, по большей части не сохранилась; улица, на которой находится дворец, названа в честь него и в свою очередь дала иносказательное название британскому правительству.

ную узкую полосу земли, гордо именуемую садом, на набережную Виктории и реку. На данный момент видом мешали насладиться морозные голубые предрождественские сумерки. Беннет видел отблески фонарей вдоль всей набережной и слышал, как дрожали окна, когда мимо проезжали автобусы. В выдавшем виды мраморном камине потрескивал огонь. Г. М. восседал с мрачным лицом, очки сползли на толстый нос, глаза моргали. Прямо у него над головой с канделябра свисал большой рождественский колокольчик из красной бумаги.

— Ага, — проворчал Г. М. и вдруг уставился на него очень подозрительно. — Вижу, вы на него смотрите, молодой человек. Не думайте, что я сам развешиваю такие штуки у себя в комнате. Но это не в моей власти — вот так тут со мной обходятся. Это дело рук ягодки.

— Ягодки?

— Секретарши. Хорошая девушка, но сущее наказание. Вечно прерывает мои телефонные разговоры, когда я строжайшим образом предупреждаю, что занят. Я всегда занят. Но она то цветы на стол поставит, то в колокольчик зазвонит.

— Что ж, сэр, — резонно заметил Беннет, — если вам не нравится, почему вы его не снимете?

Г. М. поднял тяжелые веки, принялся издавать сердитые рыкающие звуки и бросать грозные взгляды. Потом он вдруг сменил тему:

— Ничего себе — как со мной племянник разговаривает! Гм. Вы такой же, как и все остальные. Вы же сын Китти, да? Той, что вышла за янки. Работаете? Янки те еще работяги.

— В общем, да, работаю. Но даже не знаю, как это назвать — вроде как мальчик на побегушках у отца, потому и пересек океан в декабре.

— Да? — Г. М. поднял глаза. — Только не говорите мне, что вы тоже этим занимаетесь. Даже не вздумайте! Это грязная игра. Тоска. И они форменным образом изведут вас. Хоум-офис вечно пугают необходимостью защищать боевые корабли, которых у нас нет. Вы этим занимаетесь?

Беннет взял сигару из коробки, которую ему буквально пихнули через стол.

— Нет, сэр. Но хотел бы. Я разве что готовлю коктейли для знаменитостей, заглядывающих в отцовский департамент, или таскаю записки от старика, полные банальностей, в посольства второстепенных держав. Ну, вы понимаете. Секретарь выражает свое почтение и заверяет его превосходительство, что поставленный вопрос будет рассмотрен с величайшим вниманием, и так далее. Я, вообще-то, чудом попал в Лондон. — Он замялся, думая, стоит ли дальше распространяться на эту тему. — Это из-за Канифеста, какого-то лорда Канифеста — вы его знаете? Того, что владеет несколькими газетами.

Г. М. знал всех. Его тяжеловесная фигура проламывала собой буквально все, и даже хозяйка в Мейфэре давно перестала перед ним извиняться.

— Канифест, говорите? — Он поморщился, словно запах сигары был ему неприятен. — Разумеется, я его знаю. Тот, что превозносит англо-американский альянс и проклинает японцев, которые якобы опять сглазили? Ну да, да. Этаким здоровяк, важный, словно премьер-министр, и ведет себя как всеобщий добрый дедушка, голос еще такой масляный, любит поговорить и пользуется для этого любой

возможностью — он же? Такой жизнерадостный сен-бернар.

Беннет был ошеломлен.

— Ну, — осторожно начал он, — скажу вам, что это стало для меня новостью, сэр. Будь он и правда таким, было бы легче. Видите ли, он прибыл в Штаты отчасти с политической миссией, насколько я понимаю. Такой, знаете, тур доброй воли. В его честь давали обеды, — сказал Беннет, вспоминая унылые банальности, источаемые Канифестом, который стоял с каменным лицом, седой, с микрофоном, перед столом, заваленным розами. — И он говорил по радио, а потом все твердили, какая прекрасная вещь братская любовь. Я в качестве помощника ездил с ним и помогал водить его по Нью-Йорку. Но чтобы он был жизнерадостным?..

Беннет помолчал, озадаченный смутными, но неприятными воспоминаниями, потом заметил, что Г. М. с любопытством его разглядывает, и продолжил:

— Признаю, в таких делах никогда не знаешь, как лучше поступить — все зависит от того, с кем имеешь дело. Видный иностранец говорит, что желает посмотреть на жизнь в Америке. Ладно. Устраиваешь бесконечные вечеринки с коктейлями, а потом выясняется, что этот видный иностранец желает лицезреть могилу Гранта¹ и статую Свободы. Канифесту хотелось задать миллион вопросов касательно состояния Америки, на которые все равно никто не сможет ответить. Однако когда прибыла Марсия Тэйт...

¹ Имеется в виду мавзолей президента Улисса Гранта в Нью-Йорке.

Г. М. вынул сигару изо рта. Он был по-прежнему бесстрастен, но теперь смотрел как-то странно, и это сбивало с толку.

— Ну и что там с этой Марсией Тэйт?

— Да ровно ничего, сэр.

— Вы пытаетесь, — он злобно ткнул сигарой в сторону собеседника, — вы пытаетесь меня заинтриговать, вот что. Вы что-то задумали, пора было мне догадаться. Пора бы мне усвоить наконец, что никто не будет навещать меня из чистой сыновней почтительности или как там ее. Вот!

В сознании Беннета замелькали воспоминания последних двух дней. Он увидел квартиру с окнами, выходящими на унылый парк, бурый бумажный пакет, Марсию Тэйт в мехах, фотографирующуюся в спортивной машине, рыжеволосого мужчину, который вдруг скрючился и сполз с барного стула. Не хватало разве что убийства — но убийство намечалось. Он заерзал.

— Отнюдь нет, сэр. Я всего лишь ответил на ваши вопросы. После визита Канифеста мой отец сделал широкий жест и вроде как отправил меня в Хум-офис в качестве письма, дабы поблагодарить вас за услуги вашего знатного соотечественника, вот и все. Ничего более, уверяю. Я надеялся, что вернусь домой к Рождеству.

— К Рождеству? Чушь! — рывкнул Г. М., выходясь в кресле и гневно глядя на Беннета. — Племянничек, проведите его с нами. Непременно.

— Вообще-то, у меня уже есть приглашение, в Суррей. И признаюсь, по некоторым причинам я хотел бы его принять.

— А, ну да, — кисло заметил Г. М. — Девушка?

— Нет. Скорее, любопытство. Даже не знаю. — Он снова заерзал. — Что верно, то верно, в последнее время случилось немало странного. Было покушение на убийство. Всякие странные люди собрались, те же Канифест и Марсия Тэйт. Все вроде мило, но, черт возьми, сэр, мне не по себе.

— Стойте, — сказал Г. М.

Сияя и что-то бормоча под нос, он приподнял свою тушу с кресла и включил лампу на рабочем столе. Зеленый свет пролился на разномастные официальные бумаги, присыпанные табачным пеплом и помятые — Г. М. имел обыкновение класть ноги на стол. На беломраморном камине Беннет заметил бюст Фуше¹ с тонким мефистофелевским профилем. Г. М. достал из высокого железного сейфа бутылку, сифон и два стакана. Казалось, что, куда бы он ни направился, все неизбежно рушилось. Близоруко продвигаясь между столом и сейфом, он умудрился опрокинуть шахматную доску, на которой, похоже, играл сам с собой, и отряд оловянных солдатиков, выстроенных для решения тактической задачи. Он не стал ничего поднимать, словно это был мусор — или порождения его странного, ребяческого, смертоносного ума. Он налил напиток, торжественно чокнулся, осушил свой стакан залпом и уселся, неподвижный, словно мрачное изваяние.

— А вот теперь, — сказал Г. М., сложив руки, — я вас выслушаю. Помните — у меня много работы. — Он наклонил голову так, словно имел в виду Новый Скотленд-Ярд, находившийся неподалеку

¹ Жозеф Фуше (1759–1820) — французский государственный деятель, весьма противоречивая персона, одно время занимал пост министра полиции.

на набережной. — Эти ребята — они все еще не могут уgomониться из-за этого типа из Хэмпстеда, ну, того, что поставил гелиограф¹ на холме. Ну и пусть, какая разница. Вы мой племянник, и, кроме того, сынок, вы упомянули женщину, которая меня весьма интересует. Ну?

— Марсию Тэйт?

— Марсию Тэйт, — согласился Г. М. и как-то фривольно подмигнул. — Да-а, кино, чистый секс. Всегда смотрю фильмы с ней. — Его широкое лицо озарила недобрая улыбка. — Моей жене не нравится. Почему худые дамы вечно бесятся, если похвалишь пышные формы? Ну да, она полненькая, и что? Так вот, смешно, я знал ее отца, старого генерала, и знал хорошо. До войны² у него был охотничий домик по соседству. Пару недель назад я пошел посмотреть на нее в фильме про Лукрецию Борджиа, в том, что месяцами крутили на Лестер-сквер. И угадайте, кого я встретил на выходе? Старого Сандиваля и леди с той же фамилией. Леди была в соболях и исходила ядом по поводу Тэйт. Я упротсил их подвезти меня домой. Пришлось заметить, что леди С. не стоит пересекаться в обществе с дочкой старого Тэйта. Правила таковы, что дочка старого Тэйта должна являться на обед прежде леди С. Ха-ха. Ее это обозлило. — Г. М. снова нахмурился, рука его застыла на горлышке бутылки. — Слушайте, сынок, — он пристально посмотрел через стол, — вы же не путаетесь с Марсией Тэйт, а?

¹ *Гелиограф* — прибор для автоматической регистрации солнечного сияния.

² Имеется в виду Первая мировая война (1914–1918).

— Нет, — сказал Беннет, — в том смысле, какой вы подразумеваете, сэр. Я с ней знаком. Она в Лондоне.

— Ну и зря, — пробурчал Г. М. и снова шевельнул рукой, так что сифон с содовой зашипел. — Все-му-то вас учить приходится, что за бесхребетная молодежь пошла. Так вот, продолжайте — что она тут делает?

Маленькие бесстрастные глазки Г. М. откровенно пугали.

— Если вы ее знаете, — произнес Беннет, — то наверняка в курсе, что она начинала карьеру в Лондоне.

— И провалилась, — тихо сказал Г. М. и сощурился.

— Да. Полагаю, критики были чересчур суровы и намекнули, что играть она не умеет. Вот она и отправилась в Голливуд. Каким-то чудом ее приметил режиссер по фамилии Райнгер, ее как следует подготовили, держали в секрете полгода, а потом выпустили, словно ракету. Еще за полгода она стала тем, чем является сейчас. Это все работа Райнгера и журналиста по фамилии Эмери. Но, насколько мне известно, цель у нее одна — заставить Лондон пожалеть о сказанном. Она приехала играть главную роль в новой пьесе.

— Продолжайте, — сказал Г. М. — Еще одна королева, да? Играет исключительно королев. Месть. Гм... Кто продюсер?

— В этом все и дело — независимый проект. Она с удовольствием подняла на смех двоих продюсеров, которые решили диктовать ей условия. Не желает иметь с ними дела — они не поддержали ее

во время того давнишнего провала. Всякие слухи ходят, и это не то чтобы ей на пользу, как сказал мне Эмери. Более того, она покинула студию до окончания срока контракта. Эмери и Райнгер в ярости, но они тоже приехали.

Беннет смотрел на островок света на столе, вспоминая другой странный свет. Это была последняя ночь в Нью-Йорке, в клубе «Кавалла». Он танцевал с Луизой. Он смотрел через ее плечо на прокуренную комнату, гротескные тени танцующих, покачивающиеся в неверных бликах, на стол, где сидела Марсия Тэйт. У нее за спиной был алый занавес, подхваченный золотым шнуром. Она была в белом. С бесшабашным видом Тэйт прислонилась плечом к колонне. Пьяная, но в здравом уме. По одну сторону от нее сидел совершенно осоловевший Эмери и жестикулировал, по другую — толстяк Райнгер, как всегда небритый и трезвый; чуть приподняв плечи, он внимательно рассматривал сигару. В комнате было жарко, слышался тяжелый ритм ударных. Жужжали вентиляторы. Сквозь искривленные тени танцующих Беннет разглядел, как Тэйт подняла тонкий бокал, Эмери взмахнул рукой, и напиток пролился ей на грудь, но она лишь расхохоталась. Из темноты возник Джон Бохун с платком.

Беннет продолжал, оторвав взгляд от гипнотического светового пятна:

— Ну и наконец люди из «Синеартс» дали ей месяц, чтобы вернуться. Она отказалась — или утверждает, что отказалась, — и говорит, что ответом станет вот это.

Он поднял сигару и нарисовал в воздухе буквы, словно делал надпись на плакате:

Джон Бохун представляет
МАРСИЮ ТЭЙТ и ДЖЕРВИСА УИЛЛАРДА
в «ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ КАРЛА II»,
пьесе МОРИСА БОХУНА

Г. М. нахмурился и потер широкий нос, двигая роговые очки вверх-вниз.

— Хорошо! — сказал он. — Хорошо! Это подчеркнет ее тип красоты, сынок. Ну, понимаете, большие глаза с тяжелыми веками, смуглая кожа, короткая шея, полные губы — в духе тех шлюшек эпохи Реставрации¹ в зале Стюартов в Национальной портретной галерее. Ха! Странно, что никто раньше об этом не подумал. Слушайте, сынок, сходите как-нибудь в галерею, вас там ждет немало сюрпризов. Та, которую называли Кровавой Мэри², была блондинка с кукольным личиком, а Мэри, королева Шотландии³, чуть ли не самая страхолюдная. Гм. — Он снова сдвинул очки. — Но вот что интересно в Тэйт — у нее крепкие нервы. Она не только вызывает огонь на себя, но и бросает вызов. Знаете, кто такой Джервис Уиллард? Лучший характерный актер Англии. И независимый продюсер откопал Уилларда, чтобы тот сыграл в паре с ней. Должно быть, она думает, что может...

— Так и есть, сэр.

¹ В 1660 г. на британский трон вернулась династия Стюартов в лице Карла II, сына казненного Карла I.

² Имеется в виду королева Англии, дочь Генриха VIII, пытавшаяся вернуть католичество в страну; прозвище Кровавая Мэри получила за санкционированные ею многочисленные казни.

³ Претендентка на английский престол; в литературе часто изображалась романтической страдающей героиней — например, в пьесе Шиллера «Мария Стюарт».

— Гм. А что насчет комбинации «Бохун и Бохун» — все в дом, все в семью? И как это пришлось Канифесту?

— Вот тут, — сказал Беннет, — и начинается самое интересное — и все подводные течения. Эти Бохуны братья, и оба личности неоднозначные. С Морисом я не знаком — он старший, и вокруг него ходит много сплетен. Но всем, кто знает его, за исключением Джона, кажется ужасно смешным, что он автор пьесы. Марсия говорит, странно, что он вообще написал пьесу — какую угодно, разве что если в пяти актах героическим белым стихом. Но легкий непристойный остроумный фарс...

— Доктор Сухарь¹, — вдруг сказал Г. М. и поднял голову. — Бохун! Ясно! Но явно не тот же самый, сынок. Я думал не о том Бохуне. Старший проктор² в Оксфорде. «Лекции по политической и экономической истории семнадцатого столетия». Вы что, хотите сказать, что...

Беннет кивнул:

— Он самый. Я же рассказывал — меня пригласили на каникулы в Суррей. Там у Бохунов поместье, Белый Монастырь, недалеко от Эпсому. И по одной исторической причине, о которой скоро скажу, все отправились туда в поисках атмосферы. Ученый зануда, похоже, начал вдруг выкидывать вензеля на бумаге. С другой стороны, есть Джон Бохун. Он всегда занимался театральными постановками, но не то чтобы много сделал и ничем другим не

¹ Доктор Сухарь — вымышленный персонаж пародийного толка, созданный В. Скоттом, ученый зануда.

² Проктор — надзиратель в Оксфорде или Кембридже, фактически исполнявший полицейские функции.

интересовался... Так вот, Джон Бохун объявился в Америке в роли близкого друга и компаньона лорда Канифеста. Он мало говорил — он вообще немногословен. Бохун молчалив, неизменно носит с собой зонтик, такой типичный британец. Все ходил да смотрел на высотки, выказывая вежливый интерес, вот и все. Пока — и теперь сдается, что это было заранее спланировано, — пока Марсия Тэйт не прибыла в Нью-Йорк из Голливуда.

— И?.. — с любопытством спросил Г. М. — Любознательный треугольник?

Это озадачивало и Беннета. Он помнил гулкий полумрак на Центральном вокзале, вспышки ламп над толпой, когда Марсия Тэйт позировала на ступеньках поезда. Кто-то держал ее собачку, она раздавала автографы, толпа приближалась и отступала, а Джон Бохун чертыхался, стоя поодаль. Он сказал, что не понимает американскую толпу. Беннет помнил, как он вытягивал шею и смотрел над головами тех, что пониже, — тощий, тычущий зажатой в узловатой руке зонтом в цементный пол. Лицо его было чуть смуглее, чем у Марсии Тэйт. Он так и продолжал чертыхаться, когда наконец пробился к ней.

— Это точно не была встреча любовников, — медленно сказал Беннет, — нет. Но атмосферу описать трудно, почти как описать жаркий день. А Тэйт несет с собой такую атмосферу. На публике она пытается, как бы это сказать, искриться, но не выходит. Вы совершенно точно заметили, что она похожа на женщин с портретов эпохи Реставрации. Тихая, задумчивая, в каком-то смысле старомодная. Нега и гром вдаль. Это буквально витало в воздухе, как в очень жаркий день. Полагаю, все эти кра-

сивые слова попросту означают сексуальность, но я бы сказал, есть там что-то еще, что-то... — произнес Беннет с большей страстью, чем намеревался, — что отличало великих куртизанок прошлого. Не могу толком объяснить.

— Разве? — Г. М. заморгал поверх очков. — Ох, не знаю. У вас неплохо получается. Похоже, вы и сами не на шутку увлеклись.

Беннет был честен:

— Бог свидетель — да, пусть и ненадолго. Так случилось бы со всяким, у кого кровь содержит положенное количество красных телец. Но... — он замялся, — помимо конкуренции меня не привлекало эмоциональное напряжение, которое наверняка сопутствует влюбленности в эту женщину.

— А, ну да. И конкуренция была немалая?

— Непрекращающаяся. Даже у Канифеста глаза блестели, точно вам говорю. Памятуя о том, что вы сказали.

— И что — она встретила Канифеста?

— Она знала его еще в Англии — кажется, он дружил с ее отцом. Канифест и его дочь, Луиза, она же его личный секретарь... Так вот, Канифест, его дочь и Бохун остановились в «Бревоорте», тихое и очень приличное место, понимаете. И вот, к общему удивлению, блистательная Тэйт тоже оказывается в «Бревоорте». Мы туда поехали прямиком с вокзала. Канифеста сфотографировали, когда он пожимал руку известной артистке из Британии, сделавшей себе имя в кино, и поздравлял ее, бесстрастно и по-отечески, будто ей жал руку Санта-Клаус. А озадачился я, когда Карл Райнгер, режиссер, приехал на следующий день и был принят почти так же

Карр Дж. Д.

К 26 Убийства в Белом Монастыре : роман / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. А. Липинской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 288 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-28268-1

Золотой век детектива оставил немало звездных имен — А. Кристи, Г. К. Честертон, Г. Митчелл и др. В этой яркой плеяде Джон Диксон Карр (1906–1977) занимает самое почетное место. «Убийство в запертой комнате», где нет места бешеным погоням и перестрелкам, а круг подозреваемых максимально ограничен, — излюбленный прием автора. Карр вовлекает читателя в сети ловко расставленных ловушек, обманных ходов и тонких намеков и предлагает принять участие в решении хитроумной головоломки, распутывая ниточки «невозможных» преступлений. В романе «Убийства в Белом Монастыре» (1934) читатель вновь встретится с обаятельным и эксцентричным сэром Генри Мерривейлом, который был признан одним из самых неординарных сыщиков в детективной литературе. Молодой дипломат по имени Джеймс Беннет, американский племянник сэра Генри, приезжает в Лондон и получает приглашение провести Рождество в Суррее, в поместье Белый Монастырь. В числе гостей — голливудская кинозвезда, с которой Беннет познакомился еще в Америке, а также ее многочисленная свита. Беннета терзают тяжелые предчувствия, и он обращается за советом к Мерривейлу...

Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКсон КАРР
УБИЙСТВА В БЕЛОМ МОНАСТЫРЕ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Гузель Зайдуллина, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.02.2025.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-MCD-37284-01-R